

Филимонов Андрей Викторович

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА НА ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАКОВ

Статья посвящена анализу роли социального мифотворчества в процессе конструирования идентичности казаков. По мнению автора, социальное мифотворчество синтезирует в единое целое мир казачьей культуры, сакральным центром которого становятся ценности казаков. На основании сравнительного анализа и методологии конструктивизма рассмотрены процессы использования мифотворчества со стороны социальных институтов в отношении казачества, что показывает причинно обусловленный характер идентичности казаков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 202-207. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

захоронения: отдельно расположенная солдатская могила с надгробным земельным холмиком уступала место полноценному военному кладбищу либо братской могиле. Эти военные мемориалы представляли собой не только способ успокоения скорбящих, но и форму трансформации чувства горя в гордость за вклад каждого воина в борьбу за могущество империи в годы войны.

Список литературы

1. **Der Weltkampf um Ehre und Recht. Die Erforschung des Krieges in seiner wahren Begebenheit, auf amtlichen Urkunden und Akten beruhend** [Электронный ресурс]: 10 Bände / hrsg. von M. Schwarte. Leipzig – Berlin: Verlag von Johann Ambrosius Barth; Walter de Gruyter & Co, 1919-1933. Bd. 8. URL: <http://www.wintersonnenwende.com/scriptorium/deutsch/archiv/weltkampf/wer0000.html> (дата обращения: 02.11.2016).
2. **Koselleck R.** Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne [Электронный ресурс]. München: Wilhelm Fink Verlag, 1994. URL: <https://www.neue-politische-literatur.tu-darmstadt.de/index.php?id=1426> (дата обращения: 25.12.2016).
3. **Kriegergräber im Felde und Daheim. Jahrbuch des Deutschen Werkbunde 1916/17** / herausgegeben im Einvernehmen mit der Heeresverwaltung. München, 1917. 648 S.
4. **Reichspost.** 1916. Am 17. Dezember.
5. **Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V. Der Erste Weltkrieg:** Forum 14. Beiträge aus dem Symposium von 7. bis 9. Mai 2014 in Berlin. Kassel, 2014. 284 S.

PRACTICES OF MEMORIALIZATION IN GERMANY DURING THE FIRST WORLD WAR

Ustinova Yuliya Nikolaevna, Ph. D. in History

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
julija0404@rambler.ru

The article discloses an algorithm of military burials arrangement and making monuments to German soldiers fallen on the front line during the First World War. The paper shows attitude of the German society to the killed in the war, which transformed from worship of death of a fallen soldier on the battlefield to the cult of the dead, when death of a soldier was equal to sacrifice of Christ and was perceived as a sacred act. The article sets out features and complexity of organization and arrangement of graves. Information about burial forms, schemes of military cemeteries creation in the years of the armed conflict is given.

Key words and phrases: The First World War; memorialization; burial practice; cult of fallen soldier; military cemeteries.

УДК 316.34

Философские науки

Статья посвящена анализу роли социального мифотворчества в процессе конструирования идентичности казаков. По мнению автора, социальное мифотворчество синтезирует в единое целое мир казачьей культуры, са-кральным центром которого становятся ценности казаков. На основании сравнительного анализа и методологии конструктивизма рассмотрены процессы использования мифотворчества со стороны социальных институтов в отношении казачества, что показывает причинно обусловленный характер идентичности казаков.

Ключевые слова и фразы: социальное мифотворчество; идентичность казаков; конструктивизм; этнический миф; автономизм; патриотизм; казачийство; казачество; неказачество.

Филимонов Андрей Викторович

Забайкальский государственный университет, г. Чита
A.V.Filimonov@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА НА ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАКОВ

Активизация деятельности организаций казаков, фиксируемая на территории России в течение последних лет, способствовала формированию таких направлений проекта «возрождения казачества», как «общероссийский патриотизм», «автономизм» и «казачийство», выражающих антиномичные оценки казаков со стороны разных общественных групп [27, с. 87]. Однако по традиции отечественной историографии казачество продолжает рассматриваться как уникальное российское явление, переживающее процесс естественного возрождения в рамках идентичности российской нации [8]. Однако этому убеждению противоречат многочисленные данные о том, что казачество не является только российским явлением, а имеет традиции на Украине, в Крымском ханстве, в Османской империи. Согласно этим сведениям, казачество хотя и является феноменом российской истории, однако нет оснований сводить казачество только к российскому казачеству, напротив, необходимо уделять внимание региональным идентичностям, характеризующим различные группы казаков [15].

Они отличаются большим разнообразием, включая радикальные направления современного казачества, одно из которых пытается конструировать новую историю независимого от России казачьего государства, которое здесь исчисляют со времени Золотой Орды. Особенной популярностью пользуются идеи формирования особой национальной (нерусской) идентичности в рамках создания независимой Казакии. Радикально

настроенные казачьи националисты призывают к очищению «вольного Дона» от «оккупантов». «Казачьи» форумы и сайты пропагандируют мысль о скором возвращении земель «Казачьего Присуда» и реставрации Казачьи – «Богом присужденной казачеству земли предков» [16].

Столь явное проявление радикализма среди казаков на фоне того, что многочисленная часть их не ставит знаков различия между собой, русскими и украинцами, актуализировало вопрос о том, что современное казачество является примером диффузной идентичности. На сегодняшний день статус казаков нельзя считать установленным, что подтверждает анализ содержания государственных документов, где казаки именуется различными, противопоставленными друг другу по значению, терминами, такими как «репрессированный народ», «отдельный народ», «национальность». Не вносит ясности в понимание идентичности казаков Кодекс чести казака, согласно которому казаки, с одной стороны, признаются ветвью русского народа, однако с другой, они понимаются как братство, основой которого является особый дух, сознание, нравственность и мораль [14, с. 60].

Нерешенность вопроса о том, почему, с одной стороны, у представителей разных социальных групп формируется идентичность казака и, с другой, почему не все потомки казаков признают себя его представителями, ставит на повестку дня проблему влияния социума на формирование идентичности этих социальных групп. Формально этот вопрос решается на уровне обращения к Конституции Российской Федерации, которая провозглашает право человека самому определяться с тем, к какому этносу он принадлежит. Однако важно понять, какие факторы влияют на осуществление этого выбора.

Прежде всего, необходимо отметить, что в условиях современной культуры является невозможным функционирование традиционного казачества в том виде, в каком оно существовало в Российской империи. Причиной этого является неэффективность исторических форм экономики и военной службы казаков в современных условиях. Из этого вытекает, что любая форма возрождения казачества является продуктом творческой активности энтузиастов, членов движения и публицистов, но не самой возрождаемой общностью [10].

Однако простое несоответствие во внешних характеристиках культуры не может быть основанием для однозначных решений о сущностном несоответствии современных казаков их дореволюционным предшественникам, так как еще в 1922 г. председатель Донского правительства М. Н. Мельников говорил о том, что сущность казачества заключается не во внешнем сходстве, а в особом внутреннем духовном содержании [26, с. 15]. В этом контексте, на наш взгляд, правомерно говорить не о казачестве в целом, а о существовании отдельных нуминозных образований, выступающих носителями различной идентичности служилых, вольных, советских казаков, казаков-эмигрантов, неказаков, российских казаков и т.д. Именно нуминозный характер идентичности групп казаков, живущих на территориях России, Украины, Казахстана и др., делает их полем идеологического противостояния, исход которого может повлиять на будущее приграничных регионов Российского государства. Смысл этой борьбы состоит в поиске путей наиболее эффективного способа конструирования идентичности казачества.

В традиции социального конструктивизма ведущим фактором формирования идентичности группы принято считать социальные условия, среди которых выделяется социальное влияние. Алгоритм социального влияния рассматривает Н. М. Лебедева, доказывающая, что феномен идентичности формируется в контексте межгрупповых контактов, в основе которых лежат процессы межгрупповой и контргрупповой суггестии [11, с. 199]. Идентичность в этом контексте может пониматься как созданные и транслируемые индивидами в ходе постоянного взаимодействия представления о «Себе» и «Других». По мнению Н. Глейзера и Д. Мойнихена [30, р. 17] средством трансляции этих представлений являются религия, язык и национальное происхождение, однако, как отмечает К. Годдард, важным является не внешняя форма выражения, а одинаковое понимание и владение идентичными сценариями поведения [31, р. 72]. Здесь важно обратить внимание на то, что в данном случае важны не столько формы выражения идентичности, сколько когнитивное, ценностное содержание представлений, которое, как показывает практика, может меняться.

Таким образом, необходимо признать, что, несмотря на то, что идентичность конструируется различными способами, одним из самых важных является обращение к содержанию нарративов, представляющих собой социальные мифы, ориентирующие на некий социальный идеал. С этой точки зрения, которой придерживается Ф. Фукуяма, не существует никакой неизменяемой идентичности, а есть многочисленные трансформации индивидуального и группового самопонимания и поведения, происходящие под влиянием социальных мифов. Они могут существовать в течение длительного времени, а могут привноситься извне, как со стороны иных групп казаков, так и со стороны социального окружения. В этих мифах может быть прослежено региональное и глобализационное влияние, однако объединяет казаков в единое целое ценностное мифологическое ядро, то есть их общая вера в то, что современное казачество является прямым наследником традиции этнического казачества [25, с. 27].

Распространение социальных мифологем, несущих в своем содержании ценностную информацию о каких-либо этнических ценностях, можно считать началом процесса конструирования этнической идентичности. М. Хрох пришел к выводу, что нация формируется как результат процесса «национального движения», состоящего из фазы, на которой проходит исследование национальных черт, фазы начала агитации и фазы массового распространения мифа в массовом сознании [28, с. 124]. По мнению Б. С. Корниенко, который, используя методологию М. Хроха, проанализировал процессы распространения националистического мифа среди донского казачества в начале XX в., донские казаки успешно прошли фазу формирования исторического мифа об отдельном народе казаков и вступили в фазу восприятия и закрепления мифа о казацкой нации, которая была прервана большевистской революцией [9, с. 166].

Большевики распространяли мифологему об участии «советского казачества» в «колхозном строительстве», где антисоветские казачьи акции рассматривались как недоразумение, возникшее по вине кулачества, принесившего беду в казачьи станицы. В то же время проведение мифологической кампании «за советское

казачество» проходило на фоне интенсификации политики «рассказывания» и массового применения репрессивно-карательных мер, которые привели к тому, что казачество действительно стало «колхозным» и «советским». Однако они не смогли окончательно вытеснить из массового сознания этнические мифы, что в условиях современности является основанием для актуализации процессов возрождения идентичности казаков.

Как показывает алгоритм, разрабатываемый Б. С. Корниенко, наличие таких мифов формирует ментальное пространство, где преобладают ценности, понимаемые как этнические ценности казаков [Там же, с. 131]. Однако специфика изучения этого пространства состоит в том, что анализ мифа со стороны его носителя и анализ мифа человеком со стороны представляются принципиально разными сторонами, между которыми идут процессы взаимодействия и взаимовлияния [24]. То есть можно констатировать наличие существенной разницы между сообщениями, рассказывающими об этнической реальности, и самой реальностью. Распространяющие такие сообщения субъекты нацеливают их на изменение социальной реальности в будущем, однако воспринимающее их массовое сознание часто оказывается направленным в прошлое, в котором якобы существовал социальный идеал, становящийся образцом для нуждающейся в исправлении современности.

Таким образом, идентичность казаков обладает такими характеристиками, как: 1) мифологизм и дихотомичность, так как она конструируется благодаря социальному влиянию и проявляется в форме социальных мифов, ритуалов и символов; 2) субъективизм, так как каждая личность имеет возможность самостоятельного определения своей самости, на формирование которой влияют также глубоко личностные и практически не фиксируемые исследователями обстоятельства. То есть идентичность казаков является ментально-конструируемой категорией, в формировании которой ведущую роль играет социальное мифотворчество [5, с. 12].

На нее направляются императивные высказывания, призванные сформировать у членов группы стимул к ценностям и поведению, ассоциируемым с казаческими. Именно так можно понимать обращения представителей государства по отношению к казакам, в которых указывается на их императивную оценку и ожидаемые функции [1, с. 3]. В это же время казаки, как носители своей идентичности, имеют собственное мнение и самостоятельно соотносят себя с установками власти. В частности, атаман Оренбургского казачьего общества В. Глуховской, анализируя политику государства в отношении казаков, пишет о совершенных государством ошибках, которые привели к дезорганизации и расколу среди казаков. По его мнению, это стало причиной утраты значимости казачества в жизни страны, что привело к тому, что само казачество потеряло доверие к действующей власти и частью перешло на сторону оппозиции [7].

Таким образом, когда современные казаки сталкиваются с попытками влияния на них со стороны государственной власти, они воспринимают это весьма болезненно, так как результатом этого влияния, по их мнению, будет уничтожение подлинно казачьего духа и замена его на выгодную правительству имитацию. В то же время мало кто может доказать, что действительно характеризовало этот дух. Исторический контекст показывает различные версии прошлого, что доказывает мифологическую природу любых рассуждений о том, какими на самом деле были казаки. Например, ярким примером мифологизации этнической истории являются гребенские казаки, оказавшиеся в изоляции от славянского мира и, в отличие от общероссийской модели, использующие старообрядческие религиозные традиции, синтезированные с языческими верованиями, в качестве ведущего инструмента сохранения идентичности [17, с. 153].

Этот пример показывает, что формирование идентичности казаков часто зависело от имеющегося в их распоряжении информационного ресурса, связанного с воздействием социального мифотворчества, поставляющего на уровень массового сознания идеи таких сфер общественного сознания, как политика, экономика, религия. В конкретных региональных и культурных условиях часто «изобретались» версии прошлого, создавались символы и мифологемы, оснащенные художественными, эстетическими и этическими атрибутами. Именно так поступали в отношении казаков в гитлеровской Германии, когда формировали из военнопленных части для борьбы с Советским Союзом. Тогда для обоснования участия этих представителей славянской расы в войне на стороне Германии был разработан миф, в соответствии с которым казаки становились германским народом, то есть потомками остготовов, сохранившими связь со своей прародиной [21, с. 65].

В описанных примерах мифы выступают в качестве инструмента формирования идентичности казаков, воздействие которого всегда зависит от актуального экономического, культурно-исторического, идеологического контекста. Механизм, благодаря которому миф наиболее успешно воздействует на идентичность, был объяснен в концепции М. Майкла: идентичность является категорией, становление которой включает две основные стадии. Во-первых, сюда входит стадия, связанная с той идентичностью, которая была сформирована в течение исторического периода формирования данной социальной группы. Второй стадией является совокупность дискурсивных, то есть социальных, исторических и культурных переменных, которые на данный момент формируют весь набор представлений социума о своей идентичности [12, с. 91].

Например, современное конструирование казачества представляет процесс трансформации ценностного содержания мифов, в которых предельно упрощенно отражена картина казачьего прошлого, прославляются или замалчиваются исторические достижения, «жертвы», «неудобные» события, связываемые с российскими казаками. С другой стороны, процесс конструирования идентичности казаков сопряжен не только с воспоминаниями о прошлом, но и со стремлением преобразить жизненное пространство, делая акцент на памятных местах, где устанавливаются казачьи сакральные реликвии, такие как поклонные кресты, культовые сооружения, часовни, церковные здания, с указанием их связи с историей и подвигами казаков [2, с. 98]. В этой практике очевидной является взаимосвязь, в которой социальные мифы укрепляют групповое сознание, а группа культивирует определённые мифы и укрепляет свою идентичность.

Э. Кассирер предполагает, что мифы не интерпретируют реальность, а создают свой собственный мир значений, мир, в котором мы живем. Создаваемые мифами мировоззренческие системы всегда носят речевой

и субъективно-личностный характер. Примером такого мифотворчества является проект конструирования казачества, реализуемый с участием Русской православной церкви, содержание которого отражено в выступлении Патриарха Кирилла, исходящего из убеждения в том, что казачество – это не этническая и не культурная, а религиозная группа. Православие понимается Патриархом в качестве духовно-нравственной основы казачьего мировоззрения, без которой казачество будет деградировать как этнографический рудимент [20]. Несмотря на ряд несовпадений с современными и историческими данными о структуре и жизнедеятельности казачества, православное мифотворчество берет на себя роль организующего начала в конструировании казачества как особой социальной страты с задаваемыми религией параметрами и становится основой социальной организации современных российских казаков.

Механизм того влияния, которое оказывает православный миф на современных казаков, объясняется в концепции М. М. Бахтина, согласно которому познание и осмысление мира заключается в выстраивании сначала в воображении и памяти ценностной картины мира, а затем в творческом преобразовании мира в соответствии с этой ценностной программой [3, с. 72]. При этом если миф принимается, то он инициирует культурную память и воспоминания и о той традиции, которая считается изначальной и подлинной. Поэтому важно, что значительная часть таких мифов конструируется и распространяется целенаправленно с целью повлиять на идентичность группы. Так, в дискурсе, который воспроизводится Патриархом, казаки выступают в образе православного воинства, способствующего объединению России.

Совершенно иную трактовку обретает образ исторического казачества в мифе, распространяемом на территории современной Украины, где развитие казаков определено хазарской этногенетической концепцией. Как полагает Т. Таирова-Яковлева, в XVII в. миф о происхождении казаков от хазар использовали как малороссийскую мировоззренческую альтернативу в дискурсе с Великороссией и для подчеркивания отличий казаков от малороссийского населения [22]. Малороссийское казачество формировалось под влиянием дискурса между самой социальной группой, московским правительством и гетманской автономией, что подтверждает точку зрения В. А. Тишкова, который говорит, что этнические группы возникают не вследствие этногенеза, а благодаря тому, что идентичность формируется в процессе вовлечения членов группы в коммуникативный процесс, влияющий на их поведение и навязывающий им социальные нормы и ценности, которые должны стать, по мнению общества, частью их мышления [23, с. 105].

Очевидно, что при всем различии подобного рода мифы имеют схожие черты, потому что все они призваны способствовать солидаризации групп казаков, находившихся в различных историко-культурных условиях. Например, влияние государственного мифа России на казаков заключалось в представлении им идеологии под названием «Москва – Третий Рим» и звания «рыцарей православия», подкрепленных социальными привилегиями и оплачиваемой военной службой. С точки зрения социального конструкционизма это был своеобразный социальный проект, нацеленный на формирование организованной группы защитников Российского государства, ведомых мифом о своих особенных отношениях с церковью и властью при сохранении казачьей воли. Этот проект имеет аналогии с современным движением, направленным на возрождение казачества, потому что и в условиях современного распространения культуры глобализации возрождение этнических групп представляется как итог реализации проектов неких общественных объединений.

Отличительной чертой современных процессов, направленных на идеалы этнического возрождения, является стремление их лидеров обосновать свои действия посредством обращения к идеалам «золотого века», которые реализуются в виде проектов, направленных на возвращение славного прошлого, существовавшего до того, как казацкие земли были разделены и казаки еще были «настоящими» казаками. С этой целью конструируются мифы о казачьих героях, первым из которых объявили «матерого, первого козака» Илью Муромца. Однако среди героев есть и реальные исторические фигуры, такие как Игнат Некрасов, уведший соратников в Турцию, дабы не подчиняться русским царям [18, с. 279].

Мифотворчество «золотого века» представляет собой обоснование претензий современных лидеров казачьих организаций выступать в роли не только самостоятельной социальной силы, но и брать на себя функцию наиболее рьяного выразителя национально-патриотических идей современного российского общества. На этом фоне представители так называемого «казачьего возрождения» предпринимают попытки восстановить в политических и имущественных правах репрессированного «казачьего народа», некогда попавших большевиками. Однако важно учесть, что несмотря на то, что организованные формы городского казачества идентифицируют себя с казачеством как с народом и принимают в качестве идеологии отождествление «исторической» войсковой организации с современным состоянием казаков, реальная самоидентификация населения, являющегося потомками казаков, согласно данным опубликованных опросов, основывается на весьма путаных убеждениях [29].

Сегодня внешнее видение казаков как группы, представляющей собой организационное единство с Российским государством и обществом, распространяется такой организацией, как Совет по делам казачества при Президенте Российской Федерации. Идеологию данной организации составляет убеждение в том, что казачество является единым течением, целостность которого находится под угрозой в связи с попытками расколоть его на казачество украинское, русское, французское, австралийское и т.д. Целью Совета является поддержание единства «казаков в Украине», «казаков в России», «казаков во Франции», «казаков в Австралии», которое должно демонстрировать целостность казачества и единые православные основы его существования [13, с. 13].

При этом очевидно, что на формирование идентичности оказывают влияние и другие мифы, отражающие позицию «Мы» и исходящие из оснований восприятия и оценивания внешнего информационного воздействия. Основой их происхождения являлось то, что казаки так и остались без консенсуса по поводу этнического статуса своей общности [4]. Одним из наиболее распространяемых мифов со стороны государства в среде казаков

является тот, который утверждает, что казачество является особой народностью в составе русского народа. Задачей этого мифа становится переориентация казачества с идеей о возврате «исконных прав» и территорий на борьбу с врагами православия и России. Согласно мифу изначальная приверженность православию делает из казаков христианских рыцарей, которые несут миссию «спецназа Третьего Рима», который определяется как самоорганизующееся воинское образование, исполняющее Божий замысел укрепления России. Такие модификации понимания казачества объяснимы в контексте концепции Э. Хобсбаума, использующего понятие «изобретенной традиции», объясняющее процессы современной актуализации ценностей казаков, их традиций, обычаев, норм, менталитета, психологии [32, р. 1].

В целом необходимо сделать вывод о том, что в контексте конструкционистской модели казаками признаются группы людей, объединённые общими представлениями об истории и ценностях, которые понимаются как казаческие и выражаются в различного рода этнических и социальных мифах, являющихся ключевым инструментом конструирования казачества, так как формируют его ценностное ядро, заключающееся в определённом наборе интегрирующих символов.

Выводы

1. Социальное мифотворчество, выступающее как социальный феномен и ресурс социальной идентичности, является ключевым фактором конструирования идентичности современных казаков. Социальный миф выступает как инструмент связи между историческим и современными формами традиции казаков. Социальное мифотворчество синтезирует в единое целое мир казачьей культуры, сакральным центром которого становятся такие ценности казаков, как ритуалы, события, значимые символы. Рассказы о них на линии соприкосновения с массовым сознанием становятся мифами.

2. Использование социального мифотворчества со стороны государственных, экономических и религиозных институтов в отношении казачества причинно обусловлено и служит для поддержания социального универсума государства. При этом политика, экономика, теология в массовой культуре казаков представлены нарративами, которые распространяются на уровне массового сознания специалистами и носят мифологический характер. Роль указанных нарративов, функционально представляющих собой внешнее социальное мифотворчество, заключается в их влиянии на дальнейшую судьбу группы, которое может привести ее к кризису, а может стать толчком для дальнейшего развития.

3. Социальное мифотворчество имеет целью преобразование действительности, указывая, какой она должна быть в действительности. Переживание этого содержания приобретает первостепенное значение и, таким образом, формирует представление о себе как части группы, имеющей высокую ценность, и желание присоединиться к ней на правах равного. Так переживание мифа служит началом для формирования этнического сознания казаков.

Список литературы

1. **Агафонов О. В.** Казачьи войска России во втором тысячелетии. М.: КОГУП, 2002. 399 с.
2. **Антипин А. Ю.** Религиозный фактор в идентичности уральских казаков в Казахстане // Актуальная теология: религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах: мат-лы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции (г. Омск, 12-13 октября 2015 г.). Омск: Издательство ОмГУ, 2015. С. 94-99.
3. **Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
4. **Васильев И.** Казачья этничность: происхождение и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://narodnazemle.ru/node/50> (дата обращения: 25.11.2016).
5. **Ерасов Б. С.** Социальная культурология. М.: Аспект пресс, 2000. 591 с.
6. **Жуков А. В., Жукова А. А.** Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. 1. С. 54-58.
7. **Зборовский А.** О практике реализации государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества [Электронный ресурс]. URL: <http://kazak-center.ru/news/obzor/2016-08-05-3163> (дата обращения: 10.10.2016).
8. **Кодекс чести казака, утвержденный Постановлением Совета атаманов Союза казаков России от 19 февраля 2006 года № 3** [Электронный ресурс]. URL: <http://bfveteran.ru/doc/kodeks-chesti-kazaka.pdf> (дата обращения: 22.10.2016).
9. **Корниенко Б. С.** Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909-1914). СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.
10. **Куква Е. С.** Этнокультурная идентичность казачества России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/cossack-identity/social-psychology/detail.php?ID=1594> (дата обращения: 10.11.2016).
11. **Лебедева Н. М.** Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ + С, 1999. 224 с.
12. **Майкл М.** Конструирование идентичностей: социальные, внечеловеческие и трансформирующие факторы // Социальные и гуманитарные науки. 1999. № 4. С. 88-102.
13. **Митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл** // Православие – духовно-нравственная основа казачьего мировоззрения. Церковь и казачество: соработничество на благо Отечества: материалы к IV Международной научно-практической конференции. М.: Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством; УКИНО «Духовное преобразование», 2014. С. 13-18.
14. **Морозова Е. В.** Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60-66.
15. **Неменский О.** Казачество и Русский мир [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/kazachestvo_i_russkij_mir_2008-10-03.htm (дата обращения: 15.10.2016).
16. **О казакофобии и будущем казачьей нации** [Электронный ресурс]. URL: <http://prisud.livejournal.com/5020.html> (дата обращения: 13.01.2017).

17. **Письменная Т. Г., Рябков А. Н.** Особенности государственной конфессиональной политики в отношении казаков-старообрядцев Северного Кавказа в период правления Николая I // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 150-153.
18. **Рыблова М. А.** «Казакки возвращаются!»: история и судьба одной научной теории // Казачество: прошлое и настоящее. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3. С. 278-285.
19. **Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл** // Православие – духовно-нравственная основа казачьего мировоззрения. Церковь и казачество: сотрудничество на благо Отечества: материалы к IV Международной научно-практической конференции. М.: Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством; УКИНО «Духовное преобразование», 2014. С. 3-10.
20. **Сергеев О. И.** Российское казачество в мировых войнах первой половины XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 60-67.
21. **Таирова-Яковлева Т. Г.** «Отечество» в представлениях украинской казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/28_ua/ko/vleva_t2.htm (дата обращения: 23.12.2016).
22. **Тишков В. А.** Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
23. **Топорков А. Л.** Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 23.11.2016).
24. **Фукуяма Ф.** Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.
25. **Хагуров А. А., Щетнев В. Е.** Казачий менталитет: прошлое и настоящее // Возрождение казачества: тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1995. С. 15-16.
26. **Харченко В., Хоперская Л.** Состояние казачьего движения в республиках Северного Кавказа // Возрождение казачества: надежды и опасения. М., 1998. С. 87-104.
27. **Хрох М., Андерсон Б., Бауэр О.** От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 416 с.
28. **Черненко И. А.** Казачество как субъект регионального политического процесса (по материалам Краснодарского края): дисс. ... к. полит. н. Краснодар, 2008. 266 с.
29. **Glazer N., Moynihan D.** Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975. 215 p.
30. **Goddard C., Ye Zh.** Ethnopragnatics // Routledge Book of Language and Culture / ed. by F. Sharifani. L. – N. Y.: Routledge, 2015. P. 66-83.
31. **Hobsbaum E.** The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 320 p.

INFLUENCE OF SOCIAL MYTH-MAKING ON THE COSSACKS' IDENTITY

Filimonov Andrei Viktorovich
Transbaikal State University in Chita
A.V.Filimonov@mail.ru

The article analyzes the role of social myth-making in the process of constructing the Cossacks' identity. According to the author, social myth-making synthesizes the world of Cossack culture into a comprehensive whole, the sacred center of which is the Cossacks' values. On the basis of the comparative analysis and the methodology of constructivism the paper examines the processes of myth-making use on the part of social institutions in relation to the Cossacks that shows the causal nature of the Cossacks' identity.

Key words and phrases: social myth-making; the Cossacks' identity; constructivism; ethnic myth; autonomism; patriotism; the Cossacks' movement; the Cossacks; the neo-Cossacks.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье речь идет о зарождении философии науки Нового времени в трудах английского философа Ф. Бэкона, стоявшего у истоков новой научной парадигмы. Особое внимание уделено рассмотрению трех вопросов, первый из которых связан с социальным предназначением науки, второй посвящен формированию научной картины мира, и наконец, третий вопрос, вытекающий из первых двух, – о возможном синтезе науки и магии с целью творения чудес в преобразующей деятельности человека научно-техническим образом.

Ключевые слова и фразы: Аристотель; атомизм; Ф. Бэкон; Возрождение; капитализм; наука; Новое время; магия; методология; принципы; Средние века; схоластика; эксперимент.

Чельшев Павел Валентинович, д. филос. н., профессор
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва
Simeon5@rambler.ru

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ Ф. БЭКОНА КАК ОБОСНОВАНИЕ ИДЕИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ МАГИИ

Исторический образ и статус науки в обществе, ее место в общественной жизни время от времени меняются благодаря развитию духовной культуры и материального производства. Экспериментальная западноевропейская классическая наука с ее принципиальной установкой на исследование природы является порождением «духа капитализма» (М. Вебер), духа наживы и предпринимательства буржуазной культуры